

ПАЗЛ

детективный триллер

Книга 24

СМЕРТЕЛЬНЫЙ ПРЕПАРАТ

Мурат Карадениз

ПАЗЛ

Мурат Карадениз
Смертельный препарат

«Автор»

2026

Карадениз М.

Смертельный препарат / М. Карадениз — «Автор»,
2026 — (ПАЗЛ)

Трое его пациентов умирают от препарата, который он выписал. Обычный «Кардиоксан» внезапно становится смертельным. Участковый терапевт Артём Белов начинает проверку — и попадает в центр смертельной игры. Всё против него: начальница отмахивается, коллеги молчат, свидетелей убирают одного за другим. Артём находит поддельные ампулы. Но когда он приближается к разгадке, улики начинают указывать на него. Кровь на халате. Ампула на подушке. Провалы в памяти. Он не помнит ночей, в которые умирали люди. Кто-то играет с ним. Кто-то знает его слабые места. И этот кто-то готов сделать его следующей жертвой. В лабиринте лжи и подстав Артём перестаёт понимать, кто он: охотник или добыча. «ПАЗЛ» — серия книг-головоломок. Каждый том — новая загадка, новые герои, новая разгадка. Читайте в любом порядке.

© Карадениз М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР	5
ПРОЛОГ	6
ЧАСТЬ 1. ПЕРВАЯ СМЕРТЬ	9
ГЛАВА 1	9
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	15
ГЛАВА 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Смертельный препарат

ДИСКЛЕЙМЕР

«Все персонажи и события являются вымышленными. Любые совпадения с реальными людьми, организациями и событиями случайны. Упоминания реальных организаций используются в художественном контексте и не отражают их реальную деятельность».

ПРОЛОГ

Дождь шёл уже четвёртый час. Он стучал по подоконнику, заливал стёкла, стекал по водосточным трубам глухими неровными ручейками. Ноябрьский Псков мерцал в тусклом свете уличных фонарей — серый, промокший, застывший в ожидании первого снега, который всё не приходил, только слякоть, только ветер с реки Великой, пробирающийся до костей. Город древний, низкий, со стенами Кремля, которые темнели на фоне свинцового неба, с пустыми набережными, где даже собаки не гуляли в такую погоду, с промзонами на окраинах, застроенными бетонными коробками складов и гаражей.

На улице Западной, в старом пятиэтажном доме №8, горело всего несколько окон. Одно из них — на втором этаже, квартира №5. Свет был жёлтым, тусклым, как у всех старух, которые экономят на электричестве. Лампочка в прихожей горела уже третий час — Валентина Петровна забыла её выключить, когда вернулась из поликлиники. Она вообще стала забывать многое в последнее время: где положила очки, куда дела ключи, закрыла ли входную дверь на ночь.

Раньше она была другой. Сорок лет проработала бухгалтером на заводе — считала, пересчитывала, ни одной ошибки за всю карьеру. Память была острой, как лезвие. Теперь она запиралась в этой квартире, смотрела в окно на пустую улицу и ждала, когда по телевизору начнутся новости. Дети не звонили. Оксана — дочь, которая жила в другом районе, — появлялась раз в месяц с пакетом продуктов и быстро уходила. Сын из Петербурга звонил по праздникам. Валентина Петровна уже не ждала, что что-то изменится. Она просто ждала, когда придёт смерть.

Но не думала, что это случится сегодня.

Блистер «Кардиоксана» лежал на тумбочке у входа — рядом с телефоном, рядом с очками, рядом с пачкой старых квитанций за квартиру. Поликлиника №3 на улице Мирной выписала ей это лекарство два месяца назад. Участковый терапевт Артём Сергеевич Белов, молодой мужчина с сединой на левом виске, сказал: «Хороший препарат, Валентина Петровна. Импортозамещение. Принимайте два раза в день, не пропускайте». Она слушалась врачей. Всегда слушалась. Только раз пошла против — когда муж заболел, и врачи сказали, что ему нужна операция. Она настояла на операции, он не пережил наркоз. С тех пор она не спорила с врачами. Только кивала и принимала таблетки.

Принимала. И верила.

Но в последние две недели она чувствовала себя всё хуже. Сердце колото чаще, дыхание перехватывало, ноги отекали к вечеру. Она думала, что это возраст. Что организм сдаётся. На что она ещё могла надеяться? Ей семьдесят четыре. Врачи не скрывали: «Вы — пожилой пациент, Валентина Петровна. С сосудистыми заболеваниями. Осложнения возможны. Это естественный процесс». Она не спорила.

Этим вечером она пила чай с сухарями, когда в груди что-то кольнуло. Она поставила кружку на стол, поднялась с трудом — ноги гудели, колени не разгибались. Вышла в прихожую. Включила свет. Открыла тумбочку. Достала блистер «Кардиоксана». Там оставалась одна таблетка — круглая, белая, с тиснением «К-417» на поверхности. Выдавила её в ладонь.

И вдруг поняла, что нужно позвонить в «скорую». Что-то внутри подсказывало: не глотай её, сначала позови помощь. Она поставила таблетку обратно в ячейку. Взяла трубку. Набрала «103». Слушала гудки.

Ей ответили. Голос диспетчера — ровный, уставший, будничный. «Скорая помощь, слушаю». Валентина Петровна открыла рот, чтобы сказать: «Мне плохо, сердце, улица Западная, дом 8, квартира 5», — но не успела. Потому что в тот момент, когда она начала говорить, за спиной раздался звук.

Глухой, мокрый, тягучий. Капли, падающие на линолеум. Кто-то стоял за ней. В прихожей, куда она никого не впускала. Дверь была заперта на замок. Она помнила — она закрыла её.

Она попыталась повернуться. Грудь сжало — так сильно, что она выронила трубку. Та упала на пол, стукнулась о ножку тумбочки, отлетела в сторону. Голос диспетчера: «Алло? Вас слышно? Вас слышно?» — доносился откуда-то издалека, как сквозь вату.

Валентина Петровна упала. Колени подогнулись, спина ударилась о стену, она скользнула вниз, прямо в лужу, которая уже образовалась на полу. Вода была холодной. Она чувствовала её кожей — последним, что осталось от чувств.

Она смотрела вверх. Над ней стояла фигура. Лица не видно — только тень от лампочки, только чёрный силуэт на жёлтом фоне. Ботинки — чёрные, с широким носком, с каплями воды, стекающими по коже. Мужские или женские — не разобрать. Рука в резиновой перчатке. В руке — шприц. Прозрачный. Без иглы.

Валентина Петровна хотела крикнуть — и не смогла. Только хрип. Только звук, похожий на свист. Она протянула руку к блистеру — он упал рядом, в воду, и одна таблетка выпала на пол. Она хотела взять её, хотела проглотить, хотела, чтобы стало легче. Но пальцы не слушались. Только дрожь. Только холод.

Фигура наклонилась. Рука в перчатке взяла блистер — нежно, аккуратно, будто не хотела повредить. Открыла ячейку, достала таблетку. Опустила её в карман. Потом — пластиковый колпачок от ампулы, который упал на пол. Белый, круглый. Тоже в карман.

Валентина Петровна смотрела на это и не могла понять. Она хотела пить таблетку, а её забрали. Забрали вместе с колпачком. Забрали всё, что могло бы спасти её. Или что могло бы доказать, что это не случайность.

Ботинки развернулись. Шаг. Второй. Третий.

Тело Валентины Петровны лежало на полу. Она больше не дышала. Глаза были открыты, но не видели. Только свет лампочки, которая мигнула дважды и погасла. Будильник на кухне тикал. Дождь стучал в окно.

Дверь открылась. Хлопнула.

На лестничной площадке — шаги. Медленные, ровные. Кто-то спускался вниз. На третьей ступеньке лежал колпачок — тот самый, что упал, когда ботинки проходили мимо. Рука в резиновой перчатке подняла его. Сжала в пальцах. Положила в карман — туда же, где лежал пустой шприц и таблетка «Кардиоксана».

Ботинки вышли на улицу. Дождь. Ветер. Ноябрьская ночь. Тени, длинные и чёрные, тянулись по асфальту, смешиваясь с каплями, стекающими по стеклу подъезда.

Фигура пересекла улицу и скрылась за углом. Плащ колыхнулся на ветру, и на мгновение в свете фонаря блеснула резиновая перчатка. Потом — ничего. Только дождь. Только серый Псков, застывший в ожидании снега.

В квартире №5 на втором этаже было тихо. Тело лежало на полу. Телефонная трубка молчала. Блистер «Кардиоксана» исчез — вместе с таблеткой, вместе с колпачком, вместе со всем, что могло бы рассказать правду.

На столе остыл чай. Сухари остались нетронутыми. Только кружка стояла у края, готовая упасть. Падали занавески качнулись от сквозняка, и в комнате стало темно.

Никто не знал, что в кармане чужого плаща лежала улика, которой больше не существовало. Никто не знал, что через несколько часов, в другой части города, в поликлинике №3 на улице Мирной, Артём Сергеевич Белов — тридцать девять лет, холост, хроническая бессонница, седина на левом виске — откроет свою рабочую папку и найдёт записку.

Он прочтёт её и не поймёт, кто её написал. Он начнёт копать и не сможет остановиться. Он войдёт в чужую жизнь и не выйдет из неё прежним.

Но пока — только ночь. Только дождь. И белый колпачок в чужом кармане, который никогда не будет найден.

ЧАСТЬ 1. ПЕРВАЯ СМЕРТЬ

ГЛАВА 1

Артём Сергеевич Белов зашёл в поликлинику ровно в восемь утра, как делал это последние двенадцать лет. Холодный ноябрьский воздух ворвался вместе с ним в вестибюль, и он на мгновение замер, прикрывая дверь, чтобы не пускать сквозняк. Псковское небо было серым, низким, будто город накрыли тяжёлым одеялом. Дождя не было, но воздух был влажным, и асфальт блестел от недавней слякоти.

В приёмной уже толпились старики — человек пятнадцать, все с карточками в руках, все с надеждой в глазах, все с одним и тем же: гипертония, ишемия, одышка, жалобы на сердце. Артём прошёл мимо них, кивая, здороваясь, но не останавливаясь — он знал, что если остановится, то его затянут, и он опоздает в кабинет. Регистраторша Валентина Ивановна, вечно недовольная женщина лет пятидесяти с резким голосом, уже сидела за своим стеклянным окошком и перебирала карточки.

Он работал в поликлинике №3 на улице Мирной, 27, с тех пор как окончил Смоленский государственный медицинский университет. Тогда ему было двадцать семь, он был молод, полон энергии и веры в то, что сможет всех вылечить. Прошло двенадцать лет. Энергия ушла, вера осталась, но притупилась, как старый нож, который ещё режет, но уже не так остро. Он видел смерти. Много смертей. Рак, инфаркты, инсульты, старость. Он научился принимать их как неизбежность. Но сегодняшнее утро обещало быть другим — он это чувствовал кожей, тем холодным предчувствием, которое всегда появляется перед бедой.

Артём снял куртку, повесил её на крючок в своём кабинете. Кабинет был маленьким — четыре на четыре метра, с одним окном, выходящим во двор, с запахом лекарств и старой бумаги, с картотекой, занимающей целую стену, с компьютером, который медленно загружался каждое утро. Он сел за стол, включил настольную лампу. В углу лежала папка с документами — её он открыл вчера вечером и забыл закрыть. Он пододвинул её к себе, открыл, посмотрел на фамилии пациентов. Обычный день, обычные карточки.

Он знал, что его ждёт. Полтора часа приёма, потом вызовы на дом, потом обход, потом отчёты. Рутинка. Но рутинка — это хорошо, когда она предсказуема. Артём не любил сюрпризов. Он любил, когда всё идёт по плану. Но план рухнул в ту секунду, когда в дверь постучали без паузы, сразу, как только он сел.

Вошла Ирина Викторовна.

Заведующая поликлиникой, женщина пятидесяти пяти лет, с короткой стрижкой, холодным взглядом и голосом, который, казалось, никогда не повышался, но всегда звучал как приказ. Она работала здесь двадцать лет — дольше, чем Артём. Она знала всех пациентов, всех врачей, все схемы и все обходные пути. Она никогда не улыбалась и никогда не спешила, но сегодня она пришла к нему в кабинет раньше, чем обычно, и Артём заметил: её лицо было напряжённым. На левой щеке подёргивалась жилка — он знал этот признак. Ирина Викторовна нервничала.

— Артём Сергеевич, — сказала она, закрывая за собой дверь. — У меня плохие новости. Он поднял голову. Смотрел на неё, ожидая. Она не тянула.

— За ночь умерли двое твоих пациентов. Валентина Петровна Соколова, семьдесят четыре года. И Степан Ильич Громов, шестьдесят семь лет. Оба от сердечно-сосудистых осложнений.

Артём замер. Он помнил обоих. Валентина Петровна — маленькая, сутулая старуха, которая всегда приходила с одной и той же жалобой: сердце колет, давление скачет. Она жила

одна, на Западной, в старом доме. Оксана, её дочь, привозила продукты раз в неделю. Артём помнил, как она смотрела на него, когда он выписывал рецепт. В её глазах была надежда. Степан Ильич — бывший водитель автобуса, крепкий мужик с хриплым голосом, который шутил даже на приёме. Он тоже жил один, жена умерла пять лет назад. Артём помнил, как Степан Ильич подмигивал медсёстрам, когда проходил мимо.

— Оба принимали «Кардиоксан»? — спросил Артём.

Ирина Викторовна кивнула.

— Да. Тот самый препарат, который мы начали выписывать по программе импортозамещения. Оба получали его из одной партии. Ты знаешь, серия К-417.

Артём открыл картотеку. Вытащил карточки пациентов. Пролистал. Валентина Петровна — последняя запись была сделана две недели назад. Он выписал ей «Кардиоксан». Степан Ильич — то же самое. Он смотрел на подписи, на даты, на дозировки. Всё было правильно. Всё по инструкции. И тут он заметил. В истории болезней обоих была запись об аллергической реакции. Кожная сыпь, зуд, лёгкая одышка. Раньше такой реакции не было. Он перечитал ещё раз. Запись сделана одной рукой — почерк принадлежал медсестре Людмиле Павловне, которая вела процедурный кабинет. Она работала здесь пятнадцать лет, всегда была исполнительно-аккуратной, не лезла в начальство. Но эта запись... она была сделана после того, как Артём уже выписал рецепт. Она была вписана задним числом. Артём знал этот почерк — Людмила всегда писала с наклоном вправо, а здесь буквы стояли ровно. Кто-то подделал запись. Или подделал её почерк.

— Ирина Викторовна, — сказал Артём, — у них была аллергическая реакция. Я не выписывал им лекарства с такими побочными эффектами. И запись в карточке... она выглядит подозрительно. Почему это не было отражено в отчётах? Почему я не знал об этом?

Ирина Викторовна отвела глаза. Это был жест, которого Артём никогда не видел у неё раньше. Она не отвечала несколько секунд. Потом сказала:

— Будет вскрытие. Мы узнаем точную причину. Но пока — просто факты. Оба мёртвы, оба принимали «Кардиоксан». Ты должен подготовить отчёты для управления здравоохранения.

Она вышла, оставив дверь открытой. Артём смотрел на пустой дверной проём. Холодный воздух из коридора проникал в кабинет, и он поёжился. Что-то было не так. Не просто не так — неправильно. Аллергия — это не смертельно в большинстве случаев. Но двое за одну ночь? С одинаковым препаратом? С одинаковой реакцией? Это было больше, чем совпадение.

Он остался один в кабинете. Смотрел на карточки пациентов. Чувство тревоги нарастало, но он не мог понять, почему. Аллергическая реакция — это не всегда смертельно. Но двое за одну ночь? Совпадение? Или что-то другое? Он провёл рукой по лицу. Под глазами были тени — он давно не спал нормально. Хроническая бессонница мучила его уже полгода, с тех пор как умерла мать. Он не ходил на поминки, не плакал. Просто перестал спать. И сейчас, глядя на карточки, он чувствовал, как в груди разрастается холод.

Он работал до пяти вечера, принимал пациентов, выписывал рецепты, делал записи. Но мысли возвращались к карточкам. К записи об аллергии. К Людмиле. К Ирине. К смерти.

В конце смены, когда он начал собирать бумаги, из его рабочей папки выпал листок. Артём наклонился, поднял его. Бумага была обычной, офисной, белой, без логотипов. На ней было напечатано: «Проверь серию Кардиоксана. Не ту смотришь».

Он перевернул листок. С обратной стороны — ничего. Написал ли кто-то это сегодня? Или записка лежала здесь давно, а он её не замечал? Он проверил папку. Она была закрыта. Он точно закрывал её вчера перед уходом, потому что задвинул её в ящик стола, а ящик запер на ключ. Значит, кто-то открывал его сегодня, пока его не было, и положил эту записку.

Артём сжал бумагу в руке. Посмотрел на дверь. Кабинет был закрыт. Ключ лежал у него в кармане. Но у каждой медсестры был дубликат. У заведующей — тоже. У санитарки — тоже.

Он не знал, кто мог это сделать. Но он знал: это не случайность. Записка была адресована ему. Кто-то знал, что он начнёт копать. Кто-то хотел, чтобы он продолжал.

Он смотрел на папку. Она была закрыта. Он точно помнил — закрывал её вчера перед уходом. Ящик был заперт — он проверил замок, и замок был цел. Значит, кто-то вошёл в кабинет после того, как он ушёл. Кто-то, у кого есть ключ. Кто-то, кто знает, что он ищет. Записка лежала сверху — ровно посередине папки, как приглашение, как вызов.

Артём подошёл к двери, открыл её, выглянул в коридор. Там было пусто. Только дежурная лампочка горела в конце, и тени от неё прыгали по стенам. Он закрыл дверь, вернулся к столу, ещё раз перечитал записку. Буквы были ровными, напечатанными на принтере, без ошибок. «Проверь серию Кардиоксана. Не ту смотришь». Что это значило? Какую серию он должен был смотреть? К-417? Или что-то другое? Кто-то знал больше, чем он. Кто-то хотел, чтобы он нашёл правду. Но почему — он не понимал.

Он положил записку в карман. Собрал вещи. Выключил свет. Закрыл дверь на ключ. Спустился по лестнице на первый этаж, прошёл мимо пустой приёмной, мимо вешалки, на которой всё ещё висели чьи-то куртки. На улице было темно, фонари горели жёлтым светом, и снова начинался дождь. Он сел в машину, завёл двигатель. Дворники заработали, разгоняя капли по лобовому стеклу.

Он смотрел на здание поликлиники в зеркале заднего вида. В окне второго этажа, в кабинете Ирины Викторовны, горел свет. Хотя она ушла раньше него.

Артём нажал на газ. Машина тронулась. Он не знал, кто положил записку. Но он знал одно: кто-то следит за ним.

И он должен был узнать, кто.

ГЛАВА 2

Артём вышел из кабинета и направился в процедурный кабинет. Коридор был длинным, с голыми стенами, выкрашенными в бледно-зелёный цвет, с запахом хлорки и старых тряпок, который въелся в это здание ещё в советские времена и уже никогда не выветривался. Пол был выложен плиткой, местами потрескавшейся, и каблучки его ботинок стучали по ней ровно, мерно, отсчитывая шаги. Он прошёл мимо регистратуры, где сидела вечно недовольная Валентина Ивановна, которая уже собирала сумку, чтобы уйти домой, мимо кабинета терапевта Петрова, который сегодня был на больничном — у него обострился радикулит, и он уже вторую неделю не появлялся, мимо двери в подвал, которая была закрыта на амбарный замок с ржавым ключом, торчащим из скважины. В конце коридора — процедурный кабинет. Дверь была приоткрыта, изнутри доносился звук переключаемых ампул — стекло звенело о стекло, и Артём услышал, как кто-то тяжело вздохнул.

Он толкнул дверь, вошёл.

Людмила Павловна стояла у стола, спиной к нему, и перебирала ампулы в пластиковом лотке. Ей было сорок пять лет, она работала в поликлинике пятнадцать лет, с того самого дня, как окончила медучилище. Артём знал её как исполнительную сотрудницу — всегда на месте, всегда аккуратная, всегда с улыбкой. Она никогда не опаздывала, никогда не забывала заполнить журналы, никогда не спорила с врачами. Но сегодня она выглядела иначе. Её плечи были напряжены, голова опущена, она переключала ампулы с места на место, будто не могла найти нужную. Её руки дрожали — Артём видел это, когда она брала очередную ампулу и ставила её в лоток. Тонкий тремор, почти незаметный, но для него, врача с двенадцатилетним стажем, это было как сигнал тревоги.

— Людмила Павловна, — сказал Артём, закрывая за собой дверь. — Можно с вами поговорить?

Она вздрогнула. Повернулась к нему. Её лицо было бледным, под глазами — тёмные круги, каких он раньше не видел. Она не улыбалась, что было странно — обычно она здоровалась с ним, даже если была уставшей. Сегодня она просто смотрела на него, и в её взгляде мелькнул страх. Настоящий, животный страх, который она попыталась скрыть, но не смогла.

— Артём Сергеевич, — сказала она, и её голос был ниже обычного. — Я... да, конечно. Что-то случилось?

— Я хотел спросить про «Кардиоксан». Про серию К-417. Вы выдавали его пациентам?

Она сглотнула. Артём заметил, как напряглись её плечи, как она сжала рукой край стола, будто ища опору.

— Да, я выдавала. По рецептам. Всё по правилам, как положено. Я всегда делаю всё по правилам, Артём Сергеевич, вы же знаете.

— У Валентины Петровны и Степана Ильича была аллергическая реакция, — сказал Артём. — Запись сделана вашей рукой. Почему вы не сообщили мне об этом? Это же стандартная процедура — если у пациента аллергия на препарат, врач должен знать.

Людмила опустила глаза. Она перебирала ампулы, но руки дрожали сильнее, и одна из ампул упала на стол, покатилась, но она успела её поймать.

— Я... я не знаю. Я просто записала то, что было. Я не думала, что это так важно. Пациенты часто жалуются, это же обычное дело, аллергия...

— Обычное дело? — переспросил Артём. — Людмила Павловна, два человека умерли за одну ночь. Это не обычное дело. Это повод для проверки. И я должен понять, почему вы не сообщили мне об этом вовремя.

Она не ответила. Она просто стояла и смотрела в стол, на ампулы, на лоток, на свои руки, которые продолжали дрожать. Артём подошёл ближе. Он увидел на столе журнал учёта выдачи

рецептов. Толстая книга в синей обложке, с потёртыми краями. Он лежал закрытый, но одна страница была немного выдвинута, и он заметил — край страницы выглядел неровным, будто её вырывали, а потом клеивали обратно. Виднелся след клея, желтоватый, засохший.

— Что это? — спросил Артём, указывая на журнал.

Людмила резко закрыла журнал рукой, прижав его к столу.

— Это архив. Его должны были отправить в архив. Я готовила его к сдаче.

— Дайте посмотреть.

— Нельзя, — сказала она слишком быстро, слишком громко. — Там личные данные пациентов. Я не могу его открыть без разрешения заведующей. Это правила, вы знаете.

Артём смотрел на неё. Она врала. Он видел это по тому, как дрожали её руки, как она не смотрела ему в глаза, как сжимала журнал, будто это было что-то очень важное, что она не могла ему показать. Он видел это по тому, как её голос сорвался на полуслове, как она закусила губу, чтобы не сказать лишнего.

— Людмила Павловна, — сказал он тихо, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, хотя внутри всё сжималось от тревоги. — Я не хочу вас пугать. Но двое моих пациентов умерли сегодня. И если здесь что-то не так, я должен это проверить. Рано или поздно это проверят другие. Вы это понимаете?

Она подняла глаза. На мгновение он увидел в них страх. Настоящий, животный страх, который невозможно скрыть. Потом она отвела взгляд.

— Я ничего не знаю, — сказала она, и голос её был едва слышен. — Я просто медсестра. Я выполняю распоряжения. Пожалуйста, Артём Сергеевич, уходите. У меня ещё много работы.

Артём не двинулся с места. Он смотрел на неё, на её руки, на журнал, который она прижимала к себе. Он знал — она что-то скрывает. Может быть, она не убивала, может быть, она просто боится, что её уволят. Но она знает больше, чем говорит. И он должен был понять, что именно.

— Людмила Павловна, — сказал он. — Я уйду, если вы скажете мне одну вещь. Почему вы скрыли аллергическую реакцию? Вы же медсестра. Вы знаете, что это опасно. Вы знали, что это может привести к смерти. Почему вы ничего не сказали?

Она молчала. Долго. Так долго, что Артём уже подумал, что она не ответит. Потом она тихо сказала:

— Мне сказали не говорить. Мне сказали, что это не моё дело. Я просто выполняла приказ.

— Кто вам сказал?

Она подняла на него глаза. В них было столько страха, что Артём на мгновение отступил.

— Я не могу сказать. Если я скажу... — она запнулась, сглотнула. — Если я скажу, меня уволят. Или что-то похуже. Вы не понимаете, Артём Сергеевич. Здесь всё сложнее, чем вы думаете.

— Я хочу понять. Помогите мне.

Она покачала головой. Её руки снова дрожали. Она взяла журнал, открыла сейф, стоящий под столом, и положила его внутрь. Закрыла сейф на ключ. Повернулась к Артёму.

— Я не могу вам помочь. Пожалуйста, уходите. Я не знаю ничего. Я просто выполняла свою работу. Всё, что было в журнале, — это правда. Но я не могу вам его показать. Не сейчас. Может быть, потом. Но не сейчас.

Артём смотрел на неё. Он чувствовал, что она говорит правду — но только частично. Она действительно боялась. И этот страх был сильнее её воли. Она не хотела ему помогать, потому что боялась последствий. Но она знала больше, чем говорила.

— Людмила Павловна, — сказал он, — если вы передумаете, я буду в своём кабинете.

Она не ответила. Просто стояла и смотрела в пол.

Артём развернулся и вышел из процедурного кабинета. Дверь за ним закрылась, и он слышал, как Людмила щёлкнула замком. Он сделал несколько шагов по коридору и остановился. Он не хотел уходить. Он хотел вернуться, выбить дверь, достать этот журнал, понять, что там написано. Но он знал — это только навредит. Он должен был действовать осторожно.

Он прижался к стене. За дверью процедурного кабинета было тихо. Потом он услышал звук — Людмила Павловна говорила по телефону. Её голос был шёпотом, но в тихом коридоре Артём разобрал несколько слов:

— Он спрашивал. Я ничего не говорила.

Пауза. Людмила слушала. Потом снова:

— Я не знаю, что делать. Он уже видел журнал. Да, тот самый. Он спросил про серию. Я не знаю, что он понял.

Ещё одна пауза. Голос Людмилы стал тише, почти неразборчивым:

— Я не могу. Если он узнает... он не остановится. Я его знаю.

Артём стоял не дыша. Он слышал, как Людмила Павловна положила трубку. Потом — звук шагов. Она подошла к двери. Артём отступил в сторону, в тень, и прижался к стене так, чтобы его не было видно. Дверь приоткрылась, и Людмила выглянула в коридор. Она смотрела в сторону его кабинета. Её лицо было бледным, и она выглядела так, будто вот-вот упадёт в обморок.

Она закрыла дверь. Замок снова щёлкнул.

Артём выдохнул. Он стоял в тени и смотрел на закрытую дверь. Вопрос был не в том, что она знала. Вопрос был в том, кому она звонила. Кто был на том конце провода? Кто отдал приказ? И почему она боялась так, что у неё дрожали руки, когда она перебирала ампулы?

Он медленно пошёл в свой кабинет. Каждый шаг отдавался эхом в пустом коридоре. Свет в конце коридора мигал, и тени прыгали по стенам. Он вошёл в свой кабинет, закрыл дверь, сел за стол.

Он вытащил из кармана записку — ту, что нашёл сегодня. «Проверь серию Кардиоксана. Не ту смотришь». Теперь он знал, что эта записка была не случайной. Кто-то хотел, чтобы он копал. Кто-то хотел, чтобы он нашёл правду. Но тот же самый кто-то заставил Людмилу Павловну молчать. Или кто-то другой.

Вопросов было слишком много. Ответов — ни одного.

Он сжал записку в руке и посмотрел в окно. На улице темнело, фонари зажигались один за другим, и ноябрьский дождь снова начинал моросить. Где-то в этом городе был человек, который знал всё. И этот человек звонил Людмиле Павловне и приказывал молчать. Артём должен был найти его. Потому что если он не найдёт, умрёт ещё кто-то.

Он не знал, кто звонил. Но он знал одно: он не остановится, пока не узнает.

Телефон на столе завибрировал. Артём посмотрел на экран — пришло СМС-сообщение с незнакомого номера. Он открыл его. Там была фотография. Его квартира. Сделанная изнутри. На подушке лежала ампула без маркировки. Он смотрел на экран и чувствовал, как холодеет спина.

Кто-то был у него дома. Пока он был здесь.

ГЛАВА 3

Артём вернулся в свой кабинет и закрыл дверь на ключ. Сердце билось быстрее обычного — он чувствовал это по тому, как пульс отдавался в висках, как ладони стали влажными. СМС с фотографией его квартиры всё ещё горело на экране телефона, и он не мог отвести от него взгляд. Кто-то был у него дома. Пока он был здесь, в поликлинике, кто-то вошёл в его квартиру, сфотографировал подушку с ампулой и отправил ему это фото. Это было предупреждение. Или угроза. Или и то, и другое.

Он убрал телефон в карман и заставил себя сосредоточиться. Сейчас было не время для паники. Сейчас было время для действий. Он подошёл к столу, открыл ящик, достал журнал назначений «Кардиоксана» за последние два месяца. Толстая книга в твёрдой обложке, с потёртыми углами и пожелтевшими страницами. Он сел, открыл её на первой странице и начал листать.

Пальцы пробежали по строчкам, по фамилиям, по датам, по дозировкам. Тридцать пять пациентов. Все получали «Кардиоксан» по программе импортозамещения. Артём проверил каждую запись, каждую подпись, каждую серию. Большинство были из разных партий — К-401, К-405, К-409, К-412. Но две записи выделялись. Валентина Петровна Соколова — серия К-417. Степан Ильич Громов — серия К-417. Те же две фамилии, что и в списке умерших.

Артём перечитал ещё раз. К-417. Только они двое. Никто больше из тридцати пяти пациентов не получал эту серию. Это не могло быть случайностью. Кто-то целенаправленно дал именно им препарат из этой партии.

Он закрыл журнал, встал и вышел из кабинета. Коридор был пуст — почти все сотрудники уже разошлись по домам. Только дежурный свет горел в конце, да в процедурном кабинете ещё горела лампа, хотя Людмила Павловна ушла. Артём прошёл по коридору, свернул в боковой проход и оказался у двери в мусорную комнату. Маленькое помещение без окон, с бетонным полом и двумя большими контейнерами для медицинских отходов. Запах кислоты, старой крови и хлорки ударил в нос, заставив его на мгновение зажмуриться.

Он открыл крышку первого контейнера. Там лежали пустые упаковки, использованные шприцы, ватные шарики, бумажные салфетки. Он запустил руку внутрь, нащупал блистер, вытащил его. Нет, не то. Другой. Третий. Четвёртый. Он перерыл почти всё содержимое, прежде чем пальцы наткнулись на знакомый контур. Блистер «Кардиоксана». Он вытащил его, поднёс к тусклому свету лампочки под потолком.

Сразу было видно — это не оригинал. Шрифт на упаковке был мельче, буквы казались сжатыми, будто их печатали на старом принтере. Голографической защиты не было — только гладкая поверхность без блеска. Номер серии был напечатан не чёрным, а тёмно-синим цветом, и последняя цифра — семь — была чуть смещена вверх, как будто её допечатывали отдельно. Артём перевернул блистер. На обратной стороне не было штрих-кода, не было даты производства, не было названия производителя. Только пустота и белый пластик.

Он сжал блистер в руке. Это была подделка. Чистая, очевидная, грубая подделка. Кто-то напечатал эти упаковки на обычном принтере, наполнил их таблетками неизвестного происхождения и выдал за оригинальный препарат. И кто-то в поликлинике принял эту партию, не проверив документы. Или проверил, но промолчал.

Артём вышел из мусорной комнаты, прошёл в свой кабинет, сел за стол. Он достал телефон, нашёл номер склада и нажал на вызов. Гудки были долгими — один, второй, третий. Он уже хотел сбросить, когда на том конце взяли трубку.

— Алло, — раздался голос. Уставший, хриплый, мужской.

— Михаил, это Артём Белов. У меня вопрос.

— Артём, — голос на мгновение стал напряжённым. — Что-то случилось?

— Серия К-417. «Кардиоксан». Ты знаешь, что это за партия?

На том конце повисла тишина. Артём слышал, как Михаил перекладывает бумаги, как скрипит его стул. Потом:

— Артём, — сказал он медленно. — К-417? Я не отгружал эту серию. Её нет в документах.

Артём замер.

— Как это нет? Она есть у нас в поликлинике. Я держу её в руках. Это подделка, Михаил. Я сравнил с оригиналом.

— Я не знаю, что тебе сказать, — голос Михаила стал тише. — Я проверил журналы сегодня утром, когда ты звонил. К-417 нет ни в одной бумаге. Ни в журнале поставок, ни в электронной базе. Её не существует официально.

— Тогда откуда она взялась?

Михаил молчал. Артём слышал, как он дышит в трубку — тяжело, прерывисто.

— Я не знаю, Артём, — сказал он наконец. — Я не знаю. Кто-то принёс её на склад, и её приняли. Но я не подписывал эти бумаги. Меня не было в тот день.

— Когда это было?

— Две недели назад. Я был на больничном. Когда я вернулся, партия уже лежала в журнале. К-417. С подписью моей фамилии. Но я её не ставил.

Артём сжал трубку. Его пальцы побелели от напряжения.

— Михаил, ты должен сказать мне правду. Ты знаешь, кто мог это сделать?

— Я не могу, Артём. Я просто... я не могу.

— Михаил!

— Я сказал тебе всё, что знаю, — голос Михаила сорвался. — Не звони мне больше. Пожалуйста.

И он бросил трубку.

Артём смотрел на телефон. Гудки прервались. Он набрал номер снова — трубку не брали. Ещё раз — та же история. Михаил отключил телефон. Артём положил трубку на стол и посмотрел на блистер, который лежал перед ним. Поддельный «Кардиоксан». Партия, которой не существовало официально. Два мёртвых пациента. Медсестра, которая боялась говорить. Фармацевт, который отключил телефон.

Он провёл рукой по лицу. Вопросов было слишком много, ответов — ни одного. Но одно он знал точно: кто-то врал. Или Михаил, или Людмила. Или оба.

Артём сидел в тишине. За окном начинался дождь, редкие капли стучали по стеклу. На столе лежал блистер с поддельным препаратом, рядом — журнал назначений с записью о серии К-417. Две улики, которые не складывались в одну картину.

Он взял телефон и ещё раз набрал номер Михаила. Трубку не взяли. Он набрал снова. Гудки шли, но никто не отвечал.

Артём отложил телефон и посмотрел в окно. Дождь усиливался. В кабинете было тихо, только редкие капли стучали по стеклу. Он сжал в руке блистер с поддельным препаратом.

Кто-то врал. Или Михаил, или Людмила. Или оба. Вопрос был только в том, кто из них был замешан в убийствах — и кто будет следующим.

Он не знал, сколько ещё у него времени. Но он знал одно: он должен был найти правду, пока кто-то не умер снова.

Телефон на столе завибрировал. Артём посмотрел на экран — пришло новое СМС-сообщение с того же незнакомого номера. Там была только одна строка: «Ты задаёшь слишком много вопросов».

Артём сжал телефон в руке. Он посмотрел на дверь, которая была закрыта на ключ. Кто-то знал, что он копает. Кто-то следил за ним. И кто-то хотел, чтобы он остановился.

Он не остановится.

ГЛАВА 4

Артём не стал ждать. Он вышел из поликлиники, сел в машину и завёл двигатель. Дождь усиливался, капли барабанили по крыше, дворники едва справлялись с потоком воды. Он выехал на Мирную, повернул на Ленина, потом на объездную, направляясь в промзону за городом. Дорога заняла чуть больше получаса — пробки, светофоры, грязь на колёсах, которая разлеталась во все стороны. Псковские окраины выглядели серо и уныло: пустые цеха, ржавые заборы, бетонные коробки складов. Склад лекарств находился в самом конце, за старым кирпичным зданием, которое когда-то было заводом. Сейчас там пахло картоном и пылью.

Артём припарковался у ворот, вышел из машины, нырнул под козырёк и толкнул тяжёлую металлическую дверь. Внутри было холодно — отопление здесь, видимо, не работало, или работало через раз. В воздухе витал запах лекарств, смешанный с запахом сырого бетона и старой бумаги. Вдоль стен стояли стеллажи с коробками, на которых маркером были написаны названия препаратов и серии. Где-то в глубине гудел холодильник.

Артём прошёл по центральному проходу, свернул в боковой коридор и оказался у кабинета Михаила. Дверь была приоткрыта. Он толкнул её, вошёл.

Михаил сидел за столом, заваленным бумагами. Он выглядел уставшим — глаза красные, на лбу морщины, плечи опущены. На столе стояла чашка с остывшим чаем, рядом лежала раскрытая папка с документами. Когда Артём вошёл, Михаил поднял голову. В его глазах мелькнула досада, раздражение, почти гнев.

— Артём, — сказал он, и голос его был резче, чем по телефону. — Ты зачем приехал? Я же сказал, что знаю только то, что знаю.

— Михаил, я должен разобраться, — сказал Артём, закрывая за собой дверь. — Два человека умерли. Ещё два, если считать Наталью и Галину. Ты понимаешь, что это значит?

— Я понимаю, что это не моя проблема, — сказал Михаил. Он отодвинул папку в сторону, опёрся локтями на стол. — У меня здесь завал. Мне нужно закрыть квартальный отчёт до пятницы. У меня нет времени на расследования.

— Михаил, — Артём шагнул вперёд, — партия К-417. Ты сказал, что её нет в документах. Но она есть у меня. Я держал её в руках. Это подделка. И кто-то ввел её в систему. Ты знаешь, кто это сделал.

Михаил тяжело вздохнул. Он провёл рукой по лицу, будто пытался снять усталость.

— Артём, я не знаю. Я уже говорил тебе по телефону. Меня не было, когда эта партия пришла. Я был на больничном. Кто-то внёс её в базу, и я не знаю, кто.

— А ты проверял? — спросил Артём. — Ты смотрел логи доступа? Ты смотрел, кто входил в систему в тот день?

Михаил замялся. Он посмотрел в сторону, на компьютер, потом снова на Артёма.

— Я не смотрел. У меня не было времени.

— Михаил, — Артём подошёл к столу, опёрся руками на край, навис над ним, — это вопрос жизни и смерти. Я не шучу. Кто-то убивает пациентов. Кто-то подменяет препараты. И ты — последний, кто мог видеть эти документы.

Михаил поднял на него глаза. В них был страх. Настоящий, животный страх, который он не мог скрыть.

— Знаешь, Артём, — сказал он тихо, почти шёпотом. — Не лезь ты в это. У нас тут свои порядки. Я тебя предупреждаю.

— Что это значит? — спросил Артём.

— Это значит, что здесь всё не так просто, как ты думаешь. Есть люди, которые не хотят, чтобы ты копал. И если ты продолжишь, они найдут способ тебя остановить.

— Кто они?

Михаил не ответил. Он отвел взгляд, снова посмотрел на компьютер.

— Я не могу тебе сказать. Если я скажу, меня уволят. Или что-то похуже.

— Михаил, — Артём сжал кулаки, — я не дам тебе уйти от ответа. Ты знаешь, кто это. Ты знаешь, кто ввёл эту партию в систему. Ты знаешь, кто тебе угрожает. Скажи мне.

Михаил долго молчал. Потом он тихо сказал:

— Я не знаю, кто именно. Но я знаю, что эта партия пришла от заведующей складом. Её зовут Валентина Степановна. Она работает здесь пятнадцать лет. Она сказала, что это срочная поставка, что документы придут позже. Я поверил ей. Я не стал проверять.

— И что потом?

— Потом документы не пришли. А серия осталась в базе. Я хотел удалить её, но Валентина Степановна сказала, что это не нужно. Что всё в порядке. Что я не должен ничего предпринимать.

— Ты знаешь, кто за ней стоит?

Михаил покачал головой.

— Не знаю. Но она боится. Я видел, как она разговаривает с кем-то по телефону. Она называла имя — Ирина.

Артём замер. Ирина. Ирина Викторовна. Заведующая поликлиникой. Она была здесь. Она была частью системы.

— Ты уверен? — спросил он.

— Уверен, — сказал Михаил. — Она говорила с ней несколько раз. Я слышал. Она называла её Ирина Викторовна. И она говорила о партии К-417.

Артём отступил от стола. Он смотрел на Михаила и видел в его глазах страх и усталость.

— Михаил, — сказал он, — если ты что-то ещё знаешь, скажи мне. Я защищу тебя.

— Не сможешь, — сказал Михаил. — Ты не сможешь защитить меня. Никто не сможет. Они везде.

— Кто — они?

Михаил покачал головой.

— Уходи, Артём. Пожалуйста. Уходи, пока не поздно.

Артём смотрел на него. Он видел, что Михаил больше не скажет ни слова. Он развернулся и вышел из кабинета. На выходе он обернулся — Михаил уже сидел за столом, опустив голову. Он что-то писал в блокноте. Артём не мог видеть, что именно, но он видел, как рука Михаила двигалась быстро, нервно.

Он вышел на улицу, сел в машину. Дождь всё шёл. Он завёл двигатель и посмотрел в окно склада. Михаил уже подошёл к окну своего кабинета. Он смотрел в спину Артёму. В руке он держал телефон. Артём видел, как Михаил поднёс его к уху. Он начал говорить — быстро, прикрывая рот рукой, чтобы никто не услышал.

Артём не мог разобрать слов. Но он видел, как лицо Михаила менялось — он бледнел, потом краснел, потом снова бледнел. Он говорил кому-то о том, что Артём был здесь. Что он спрашивал о К-417. Что он начал копать.

Артём смотрел на него через залитое дождём стекло. Он знал, что Михаил предупредил кого-то. Кого-то, кто был связан с убийствами. Кого-то, кто теперь знает, что Артём близок к правде.

Он нажал на газ и выехал со склада. Дождь усилился, дворники едва справлялись. Он смотрел в зеркало заднего вида и видел, как Михаил всё ещё стоит у окна, сжимая телефон в руке.

Артём сжал руль. Он знал, что теперь времени осталось мало. И он должен был найти правду, пока кто-то не остановил его навсегда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.